

Григорий Петрович Данилевский

Сожженная Москва

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.6
ББК 84-4

Григорий Петрович Данилевский

Сожженная Москва / Григорий Петрович Данилевский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 150 с.

ISBN 978-5-4241-2066-4

Популярность романов известного русского писателя Григория Петровича Данилевского обусловлена занимательностью сюжетов его произведений и их исторической достоверностью. Занимая высокие посты в Министерстве внутренних дел, он получил доступ к секретным материалам своего времени и воспользовался ими для написания романа "Сожженная Москва".

Роман рассказывает о "грозе двенадцатого года", о страшных картинах надругательства "просвещенной нации" над нашими святынями и, главное, о стержне русского характера: христианском понимании долга перед Отечеством.

ISBN 978-5-4241-2066-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Данилевский Григорий
Петрович
Сожженная Москва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАШЕСТИЕ НАПОЛЕОНА

— Вот башни полуночные Москвы
Перед тобой, в венцах из золата,
Горят на солнце... Но, увы...
To — солнце твоего заката!
Байрон. «Бронзовый век»

I

Никогда в Москве и в ее окрестностях так не веселились, как перед грозным и мрачным двенадцатым годом.

Балы в городе и в подмосковных поместьях сменялись балами, катаньями, концертами и маскарадами. Над Москвой, этой пристанью и затишьем для многих потерпевших крушение, именитых пловцов, какими были Орловы, Зубовы и другие, в то время носилось как бы веяние крылатого Амура. Немало любовных приключений, с увозами, бегством из родительских домов и дуэлями, разыгралось в высшем и среднем обществе, где блистало в те годы столько замечательных, прославленных поэтами красавиц. Москвичи восторгались ими на четвергах у Разумовских, на вторниках у Нелединских-Мелецких и в Благородном дворянском собрании, по воскресеньям — у Архаровых, в остальные дни — у Апраксинах, Бутурлиных и других. Был конец мая 1812 года. Несмотря на недавнюю комету и на тревожные и настойчивые слухи о вероятности разрыва с Наполеоном и о возможности скорой войны, — этой войны не ожидали, и в обществе никто о ней особенно не помышлял.

В богатом московском доме шестидесятилетней бригадирши, княгини Анны Аркадьевны Шелешпанской, у Патриарших прудов, был многолюдный съезд столичных и окрестных гостей. Праздновались крестины первого правнука Шелешпанской. Прабабку и родителей новорожденного приветствовали обильными здравицами и пожеланиями всяких благ.

За год перед тем, в такой же светлый день апреля, в селе Любанове, подмосковной княгини, состоялась свадьба ее старшей внучки, веселой и живой Ксении Валерьяновны Крамалиной, с секретарем московского сената, служившим и при дирекции театров, Ильей Борисовичем Тропининым. Торжественно празднужа крестины правнука, княгиня имела и другую причину радости и веселью: ее вторая внучка, степенная и гордая Аврора Крамалина, также, по-видимому, на конец вняла голосу сердца. В доме княгини со дня на день ожидали ее помолвки с гостившим в отпуску в Москве «колонновожатым»¹ Василем Алексеевичем Перовским, который сильно ухаживал за Авророй и был угоден княгине. Базиль Перовский был представлен Авроре — на последнем из зимних московских балов у Нелединских — мужем ее сестры, Ильей Тропининым, своим давним приятелем, товарищем по пансиону и по университету.

Гости княгини начинали разъезжаться. Уехал шестериком, цугом, старец Мордвинов, с распущенными по плечам пушистыми сединами; уехал в желтой венской коляске веселый князь Долгорукий, «prince Calembour»,² как его звали; в английском тильбюри, в шорах, — виновник встречи жениха и невесты,

Нелединский-Мелецкий; на скромных городских дрожках издатель «Русского Вестника» Сергей Глинка и другие. Приемные и обширный, обсаженный липами двор княгини опустили. Остались ее родные и несколько близких знакомых, в том числе почтивший княгиню заездом и особым вниманием старинный приятель ее покойного мужа, новый московский главнокомандующий граф Растворчан. Это был высокий ростом, еще крепкий на вид мужчина лет пятидесяти, с оживленными, умными черными глазами, узенькими бакенбардами, большим открытым лбом и громкою, подчас крикливою речью. Он ранее других гостей узнал от княгини, что поклонник ее второй внучки — тайный сын украинского магната, тогдашнего министра просвещения. Другим княгиня до времени об этом умалчивала.

Прощаясь с хозяйкой, Растворчан с улыбкой указал ей на Первовского, в новеньком стянутом мундире почтительно стоявшего в стороне, и вполголоса заметил:

— Напрасно, однако, княгиня, ваша внучка медлит; женишок хоть куда: кончили бы, да тогда ему, с богом, хоть и к месту служения.

— Что вы, граф! Из-за чего же торопиться? — ответила княгиня. Август³ так еще молод; ведь ей невступно восемнадцать: не перестарок еще, в девках не засидится... Все, мой хороший, в руках божиих. Да на днях уж и пост, и отпуск этого молодца на исходе. Обещает снова приехать после успеня, в конце августа, коли будем живы... Тогда сватовство; тогда, если суждено, сыграем и свадьбу.

— Зовите, княгиня, мы — ваши гости! — сказал Растворчан. — Только не затянулось бы дело для счастливцев... Слышали, чай, толки о войне?

— Э, батюшка граф, где еще тот Наполеон! — ответила княгиня. — До нас ему далеко... надеемся же мы больше на московских чудотворцев да на ваше искусство, граф.

Растворчан озабоченно оглянулся на присутствующих, надел перчатки и уже хотел откланяться, но, нахмурясь, опять сел возле княгини.

— Разве что знаешь нового? — тихо спросила Анна Аркадьевна. Растворчан молча кивнул ей головой. Княгиня обмерла. — Да говори же, дорогой, говори! — прошептала она, растерянно ища в ридикюле флакон со спиртом и поднося его к своему носу.

— Здесь не место, — ответил ей граф, — заеду завтра. — Нет, родной, сегодня вечером; не мори ты меня, дуру попову; ведь знаешь — я трусиха.

— Но у вас гости, наверное, будет бостон, а я, вы знаете, до карт не охотник.

— Ах, не нападай ты на карты, говорю тебе; помни слова Талейрана: кто не привык играть в карты в молодости, готовит себе печальную старость. Итак, до вечера; приму тебя одна. — Постараюсь.

II

Граф Растворчан сдержал слово. В тот же вечер княгиня приняла его в своей мольельне. Эта комната, как знал граф от других, служила ей запасною спальней и, вместе, убежищем во время летних гроз. Растворчан с любопытством окинул взглядом убранство этой комнаты. Оконные занавески в ней, обивка мебели, полог, одеяло, подушки и простыня на кровати были из шелковой ткани, а кровать стеклянная и на стеклянных ножках. Даже вывезенный княгинею из Парижа и здесь висевший портрет Наполеона был выткан в Лионе на шелковом платке.

Растопчин застал княгиню на кровати. Две горничные держали перед нею собачку Тутика, на которого третья примеряла вышитую гарусом попонку. Взяв Тутика и отпустив горничных, Шелешпанская указала графу кресло.

Высокая, в пудреных буеклях и белая, точно выточенная из слоновой кости, княгиня Анна Аркадьевна была представительницей старинного, угасавшего в то время княжеского рода, в котором не она одна славилась смелым умом и властною красотой. Матери, указывая на нее дочерям на балах, обыкновенно говорили: «Заметила ты, та *chere*,⁴ эту высокую, худую старуху? Она недавно из Парижа. Будешь идти мимо, присядь, а не то и ручку поцелуй. Пригодится».

Растопчин в молодости видел и на опыте узнал обольстительное владычество знатных барынь XVIII века, в том числе и княгини, за которую на его глазах все так ухаживали. Его тогда не удивляло общее сознательное и благовейное покорство этим законодательницам моды. Теперь он над ними, в том числе и над княгинею Шелешпанской, в душе посмеивался.

Он трунил над тем, что княгиня, жившая долго в Париже, доныне пудрилась «*a-la neige*»,⁵ причесывалась «*a trois marteaux*»⁶ и носила платья модных цветов — «*couleur saumon*»⁷ и «*hanneton*».⁸ Граф по поводу некогда пылкой, но стойкой и чопорной княгини даже выразился однажды, что у Данте в его «Аду» забыто одно важное отделение, где светские грешницы ежечасно мучатся не сознанием своих грехов, а воспоминанием того, как в жизни не раз они могли негласно и незаметно согрешить и не согрешили — из трусости, гордости или простоты.

Некогда поклонница Вольтера, Диdro и мадам Ролан, княгиня теперь, на старости лет, заслышиав над домом даже слабый удар грома, без памяти спешила в свою молельню, зажигала у образов лампады и свечи, наскоро надевала на себя все шелковое и ложилась под шелковое одеяло, на шелковую постель. Не помня себя от ужаса, она кричала на главную свою экономку, горничных и приживалок, чтоб запирали все ставни и двери, приказывала им опускать на окна шелковые гардины и, лежа с закрытыми глазами, то и дело вздрагивая, повторяла: «Свят, свят! Осанна в вышних!» — пока кончались последние раскаты грозы.

«Любит, старая, жизнь, — подумал, усевшись против княгини, Растопчин, — да как ее и не любить! Пожила когда-то. Теперь она одна, состояния много... А тут надвигается гроза! Нет, матушка, не спасут, видно, никакие стеклянные кровати и никакие шелки».

— Что же, дорогой граф, — держа на коленях собачку, встревоженно, по-французски, обратилась к гостю Шелешпанская, — неужели правда быть войне?

По-русски княгиня, как и все тогдашнее общество, только молилась, шутила либо бранилась с прислугой.

— Мы с вами, Анна Аркадьевна, наедине, — начал граф, — как старый приятель вашего мужа и ваш, смею повторить, всегдаший поклонник, скажу вам откровенно, дела наши нехороши... Бонапарт покинул Сен-Клу и прибыл по соседству к нам, в Дрезден; его, как удостоверяет «Гамбургский курьер», окружают герцоги, короли и несметное войско.

— Да ведь он только и делает, что воюет; в том его забава! возразила княгиня. — Может быть, это еще и не против нас...

— Увы! государь Александр Павлович также оставил Петербург и поспешил в Вильну. Глаза и помыслы всех теперь на берегах Двины...

— Но это, граф, может быть диверсия против наших соседей? Все не верится.

— Таких сил Бонапарт не собрал бы против других. У него под рукой, — газеты все уже высчитали, — свыше полумиллиона войска и более тысячи двухсот пушек; один обоз в шесть тысяч подвод.

Княгиня понюхала из флакона и переложила на коленях спавшую собачку.

— И вы думаете, граф? — спросила она со вздохом. Граф Федор Васильевич скрестил руки на груди и приготовился сказать то, о чем он давно думал.

— Огненный метеор промчался по Европе, — произнес он, — долетит и в Россию. Я не раз предсказывал... Мало останавливали венчанного раба, когда он, без объявления войны, брал другие государства и столицы; увидим его и мы, русские, если не вблизи, то на западной границе наверное.

— Кто же виноват?

Растопчин промолчал.

— Но наше войско, — сказала княгиня, — одних казаков сколько!

— Благочестивая-то, «не бреемая» рать, бородачи? — произнес Растопчин по-русски. — Полноте, матушка княгиня, не вам это говорить: вы так долго жили в Европе, столько видели и слышали.

Польщенная княгиня забыла страх. Ей вспомнился Париж, тамошние знаменитости, запросто бывавшие у нее.

— Моя парижская знакомая, мадам де Сталь, представьте, граф, произнесла она, — уверяет, будто Бонапарт — полный невежда, грубиян и отъявленный лжец. Не чересчур ли это? Я не так начитанна, как вы, что вы на это скажете?

— Сущая правда, — ответил, склонясь, Растопчин. — Наполеон и Меттерниха считают великим государственным человеком только потому, что тот лжет ловко и хорошо. Я давно твержу, но со мной не соглашаются, Бонапарт — низменная, завистливая душонка, ни тени величия. По воспитанию — капрал; настояще образование почти не коснулось его. Он ругается, как площадная торговка, как солдат; ничего дельного и изящного не читал и даже не любит читать.

— Но мадам Ремюза, я у нее видела его... она хоть пренапыщенная, а умница и в восторге от него...

— Еще бы, дочь его министра! О, это новый Тамерлан... Ему чужды высокие движения сердца и узы крови, а вечная привычка притворствовать и рисоваться вытравила в нем и остатки правды. Да что? По его собственному признанию, обычная мораль и всеми принятые приличия — не для него! А недавно он выразился, что он олицетворение французской революции, что он носит ее в себе и воспроизводит; что счастлив тот, кто прячется от него в глухи, и что, когда он умрет, вселенная радостно скажет: уф!

— Но за что же, за что он против нас? — спросила встревоженно княгиня.

— Уж сильно его баловали в последнее время, а потом отказали в сватовстве с великой княжной Екатериной Павловной: вот за что. А ведь он гений; по приговору газетчиков и стихоплетов — неизбежная судьба услужливой Европы... Как можно было так поступить с гением? Вот он теперь и твердит перед громадой Европы: Россия зазналась; отброшу ее в глубь Азии, дам ей пережить участь Польши. По совести, впрочем, сказать, я убежден: мы не погибнем.

— Неужели? — обрадованно спросила княгиня. — Утешь меня!

— Вот что, матушка Анна Аркадьевна, скажу я вам, — произнес опять по-русски Растопчин. — Наша Россия — тот же желудок покойного Потемкина: она

в конце концов, попомните меня, переварит все, даже и Наполеона...

— Что же, граф, делать нам теперь?

— Что делать? — произнес Растворин. — Никому я этого, княгиня, еще не говорил и не скажу, а вам, извольте, открою: скорее и без замедления уезжайте из Москвы. Сюда французам не дойти, а все-таки...

— Куда же ехать?

— А хоть бы в вашу коломенскую или, еще лучше, подалее, в тамбовскую вотчину. Повторяю, французам не дадут, может быть, перейти границу, но здесь, княгиня, будет неспокойно, вполголоса заключил Растворин, — не в ваши лета это переносить. Начнутся вооружения, сбор войск, суета...

Княгиня молитвенно взглянула на белый, мраморный, итальянской работы, бюст спасителя, стоявший в молельне среди ее семейных, старых, потемневших образов.

— Не понимаю! — сказала она, разведя руками. — Неужели же в первопрестольной столице, среди угодников и чудотворцев божих и под вашим начальством, граф, мы не будем в безопасности?

«Ишь, храбрая! — подумал Растворин. — Грозы боится, а Бонапарта не трусит, даже его шелковый портрет привесила у себя!»

— Как знаете, княгиня, — ответил граф, вставая и откланиваясь, мое дело было вас предупредить. Я вам поведал по секрету мое личное мнение. Дождались наши вольнодумцы с величанием Бонапарта!.. Злость берет, как подумаешь. На Западе вольнодумствуют сапожники, стремясь стать богачами, а у нас баре колбродят и мутят, чтобы во что бы то ни стало стать сапожниками... И все это — их вожак Сперанский.

— Ну, вы все против Сперанского. Что он вам? — спросила княгиня.

— Что он мне? а вот что... Его хвалили, но это — чиновник огромного размера, не более, творец всесильной кабинетной редакции. Канцелярия — его форум, тысячи бумаг — и превредных его трубы и литавры. И хорошо, что его упятали и что он сам теперь стал сданою в архив бумагою, за номером... Ну, да вы не согласны со мной, прощайте.

Растворин поцеловал руку княгини и направился к двери.

— Да, — сказал он, остановясь, — еще слово... Мое утреннее предсказание о господине Перовском, искателе руки вашей внучки, сбылось, к сожалению, ранее, чем я ожидал.

— Боже мой, что такое?

— Я застал дома указ — всем штаб- и обер-офицерам, где бы они и при чем бы ни были, без малейшего замедления отправиться к своим полкам. Вызываю его на завтра, да пораньше. Могу ему дать, если попросит, два-три дня для сборов, не более.

Княгиня протянула руку к звонку и, растерявшись, не могла его найти.

III

Утром следующего дня Перовский узнал о вызове всех офицеров к полкам.

Не столько разнились между собой оживленная и полная, в веснушках, с золотистыми локонами и голубыми глазами Ксения и задумчивая, черноволосая и сухощавая Аврора, сколько были несходки видом и нравом близкие друг другу с детства Илья Тропинин и Базиль Перовский.

В ранние годы Базиль был увезен из Почепа, украинского поместья своего отца, в Москву, где под надзором губернаторов и дядьки-малоросса сперва был помещен в пансион, потом в Московский университет и, кончив здесь ученье, уехал в Петербург на службу, которой ревностно и отдался. Хорошо начитанный, он знал в совершенстве французский и немецкий языки и любил музыку. Будучи смел и честолюбив и увлекаясь возвышенными военными идеалами, он питал, как и многие его сослуживцы, тайное благоговение к общему тогдашнему кумиру, укротителю террора и якобинцев, цезарю-плебею Наполеону, которого в то время многие прозорливые люди начинали уже осуждать и бранить.

В числе других истых петербургских «европейцев» Базиль мысленно, а иногда с оглядкой и вслух, искренне осуждал непринятие нашим двором сватовства Наполеона, нездолго перед тем искашившего руки великой княжны Екатерины Павловны, сестры государя Александра Павловича. Отвергнутый русскою императорскою семьёй, Бонапарт, по мнению Базилия, рано или поздно должен был подумать о возмездии и так или иначе отплатить грубой, как выражались тогда в Петербурге, косневшей в предрассудках России за эту несмыываемую тяжелую обиду.

Высокого роста, темноволосый, широкоплечий и с тонким, стройным военным перехватом, Базиль был всегда заботливо выбрит, надушен и щегольски одет. С отменно вежливыми, усвоенными в столичной среде движениями и речью он всех привлекал умным взглядом больших, карих, мечтательно-задумчивых глаз, ласково улыбкой и веселою, своеобразною, остроумною речью. Среди товарищей Перовский слыл душой-весельчаком, среди женщин — несколько загадочным, у начальства — подающим надежды молодым офицером. Страстно любя пение и музыку, он, будучи еще студентом, самоучкою стал разбирать ноты и недурно играл на клавикордах и пел не только в кругу товарищей, но и в обществе, на небольших вечерах. Некоторое время, состоя с другими колонновожатыми в какой-то масонской ложе, он с ними затеял было даже переселиться на дальний японский остров Соку, как тогда звали Сахалин, и основать там некую особую республику. Эта мысль вскоре, впрочем, была брошена за недостатком денег для такого дальнего вояжа.

Что же до сердечных увлечений Перовского, то никто о них в Петербурге не слышал. Он сам даже посмеивался над волокитством столичных фатов. И потому все были крайне удивлены, когда прошла нежданная весть, что этот юный и, по-видимому, вовсе еще не думавший о прочной любви и о женитьбе красивый и всегда беспечно веселый гвардеец, так же лихо гарцевавший на петербургских маневрах и смотрах, как и ловко скользивший на столичных паркетах, влюбился и готовился посвататься. О происхождении Перовского в его служебной среде и в обществе еще мало кто знал. Его звали просто «наш красавец малоросс».

Базиль живо представлял себе последний, памятный, вторничный вечер у Нелединских-Мелецких, в их доме на Мясницкой, куда его привез университетский его товарищ, Илья Тропинин. Здесь было так весело и шумно. Старики в кабинете и в цветочной сидели за картами; молодежь в гостионой играла в фанты и в буриме, а в зале шли танцы. На этом вечере блестало столько роскошных, выписанных из Парижа нарядов и чуть охваченных краем платьев обнаженных дамских и девичьих шей и плеч. Шел бесконечный котильон, о котором тогда выражались поэты:

— Cette image mobile De l'immobile eterne.⁹

Базиль с другими танцевал до упаду. Здесь-то, среди цветущих лилий и роз, под гром оркестра Санти, он впервые увидел сухощавую и стройную, незнакомую ему брюнетку, сидевшую в стороне от танцующих. Возле нее стоял, пожирая ее глазами и тщетно стараясь ее занять, известный москвичам любитель пения и живописи, длинный и мрачный эмигрант Жерамб, всех уверявший, что он офицер тогда возникавшего таинственного легиона *hussards de la mort*,¹⁰ почему он носил черный доломан с изображениями на серебряных пуговицах мертвый головы, так шедший к его исхудалому и желтому лицу. При взгляде на незнакомку в мыслях Перовского мелькнуло: «Так себе, какая-то худашка». Но когда он ближе разглядел ее черные, спокойно на всех смотревшие глаза, несколько смуглое лицо, пышную косу, небрежным жгутом положенную на голове, и ее скромное белое платье с пучком алого мака у корсажа, — он почувствовал, что эта девушка властительно войдет в его душу и останется в ней навсегда. Его поражала ее строгая, суровая и как бы скучающая красота. Она почти не улыбалась, а когда ей было весело, это показывали только ее глаза да нос, слегка морщившийся и поднимавший ее верхнюю, смеющуюся губу.

В то время за Авророй, кроме «гусара смерти» Жерамба, тщетно ухаживали еще несколько светских женихов: Митя Усов, двое Голицыных и другие. В числе последних был, между прочим, известный богатством, высокий, пожилой и умный красавец вдовец, некогда раненный турками в глаз еще при Суворове, премьер-майор Усланов. Он везде, на балах и гуляньях, подобно влюбленному Жерамбу, молча преследовал недоступную красавицу. Остряки так и звали их: «Нимфа Галатея и циклоп Полифем».

Все поклонники новой Галатеи, однако, остались за флагом. Победителя предвидели: то был Перовский. Дальнейшее знакомство, через Тропинина, сблизило его с домом княгини. Он даже чуть было не посватался. Это случилось после пасхальной обедни, которую княгиня слушала в церкви Ермолая. Аврора приняла его в пальмовой гостиной бабки, присела с ним у клавикордов, и он, под вальс Ромберга, уже готовился было сделать ей предложение. Но Аврора играла с таким увлечением, а он так робел перед этою гордою, строгою красавицей, что слова не срывались с его языка, и он уехал молчаливый, растерянный.

Илья Борисович Тропинин давно угадывал настроение своего друга. Неразговорчивый, близорукий и длинный, с серыми, добрыми, постоянно восторженными глазами, Илья Тропинин был родом из старинной служилой семьи небогатых дворян-москвичей. Сирота с отроческих лет, он, как и Базиль, был рано увезен из родного дома. Помещенный опекуном в пансион, он здесь, а потом в Московском университете близко сошелся с Перовским как по сходству юношески-мечтательного нрава, так и потому, что охотнее других товарищей внимательно выслушивал пылкие грэзы Базиля о их собственной военной славе, которая, почем знать, могла сравняться со славою божества тогдашней молодежи — Бонапарта. Тулон, пирамиды и Маренго не покидали мыслей и разговоров молодых друзей.

Они зачитывались любимыми современными писателями, причем, однако, Базиль отдавал предпочтение свободомыслящим французским романистам, а Илья, хотя также жадно-мечтательно упивался их страстными образами, подчас по уши краснел от их смелых, грубо обольстительных подробностей и, впадая

потом в раскаяние, налагал на себя даже особую епитимью. Базиль нередко, после такого чтения, под подушкой Тропинина находил либо тетрадь старинной печати церковных проповедей, или полуупонятные отвлеченные размышления отечественных мистиков. В свободные часы Тропинин занимался рисованием. Он очень живо схватывал и набрасывал на бумагу портреты и чертил забавные карикатуры знакомых, в особенности театралов.

— Нет, боюсь женщин! — смущенно говорил в такие мгновения Илья, мучительно ероша свои русые волосы, в беспорядке падавшие на глаза. — Так, голубчик Вася, боюсь, что, по всей вероятности, никогда не решусь жениться, пойду в монастырь.

Когда друзья были еще в пансионе, Тропинина там называли «схимником», уверяя, что в его классном ящике устроено из образков подобие иконостаса, перед которым он будто бы, прикрываясь крышкой, изредка даже служил молебны.

Университет еще более сблизил Перовского и Тропинина. Они восторгались патриотическими лекциями профессоров и пользовались особым расположением ректора Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, о котором шутники, их товарищи, сложили куплет:

Тремя помноженным Антон,
А на придачу Прокопович...

Ректор, любивший поболтать с молодежью, расставаясь с Перовским и Тропининым, сказал первому: «Ты будешь фельдмаршалом!» — а второму: «Ты же — счастливым отцом многочисленной семьи!» Ни раз впоследствии, под иными впечатлениями, приятели вспоминали эти предсказания. По выходе из университета Перовский изредка из Петербурга переписывался с Тропининым, который тем временем поступил на службу в московский сенат. Они снова увиделись зимой 1812 года, когда Базиль и также служивший в колонновожатых в Петербурге двоюродный брат Тропинина по матери, Митя Усов, получили из своего штаба командировку в Москву для снятия копий с военных планов, хранившихся в московском архиве. Базиль, чтобы не развлекаться светскими удовольствиями, получив планы, уговорил Митю уехать с ним в можайскую деревушку Усовых Новоселовку, где оба они и просидели над работой около месяца, а на масленой, окончив ее, явились ликующие в Москву и со всем увлечением молодости окунулись в ее шумные веселости.

Илья Тропинин в это время, вопреки своим юношеским уверениям, был уже не только женат и беспредельно счастлив, но и крайне расположен сосватать и женить самого Перовского. Встреча Базиля с свояченицей Тропинина Авророй Крамалиной помогла Илье ранее, чем и сам он того ожидал. Перовский на пасху стал то и дело заговаривать об Авроре, а в мае, как замечал Илья, он был уже от нее без ума, хотя все еще не решался с нею объясниться.

IV

Весть о призывае офицеров к армии сильно смущила Перовского. Он объяснился с главнокомандующим и, для устройства своих дел, выпросил у него на несколько дней отсрочку. За неделю перед тем он заехал на Никитский бульвар, к Тропинину. Приятели, посидев в комнате, вышли на бульвар. Между ними тогда произошел следующий разговор: